

предмете как бы слиты: *золото* — оно же и *Солнце*. Тождественное и сходное сливаются. Слово и дело пребывают вкупе. Столь же нераздельны предмет и его признак. Круговорот повторений охраняет миф от саморазрушения, обеспечивает цельность и замкнутость сферы. Непрерывное воспроизведение раз и навсегда данного образца. Это *философский камень*, как бы пародирующий собственно христианский образец. Этим еще не исчерпываются структурные характеристики мифа. Их можно длить и длить. Но даже пристально аналитический их перечень ничего еще не дает тому, кто хочет, толкуя алхимический сон, наяву увидеть этот сон. Упраздняется алхимия как предмет этого сна. Говорится лишь о безлично-мифическом, внеисторическом, бесцветно-всечеловеческом. Вместе с тем «природа несказанного... [такова], что о нем самом нельзя говорить, и чтобы его выразить, нужно говорить о другом» (Манин, 1968, 2, с. 406). Мифические первосхемы не являются этим другим — они тождественны мифу как таковому — это значит леви-строссовскому первобытному мифу (Леви-Стросс, 1970). Для постижения культурного мифа о философском камне нужно культурное и иное, с ним сосуществующее. Для этого надо мифологема вообще понять как мифологема алхимические.

Оборотничество — центральная мифологема. Оно спонтанно, вне явного движения, ибо тоπος мифических перевертней неизменен. Сам акт мифической метаморфозы не размыкает изоморфное пространство мифа; напротив, упрочивает его герметическую замкнутость⁵. То же и в алхимии. *Трансмутация металлов*. *Золото* — оборотень *железа*. Персодевание? Не совсем. Это радикальное превращение, высвобождение скрытой сущности, то есть золотости, всегда пребывающей, но лишь крайне редко высвобождающейся и доступной не оку, но глазу. Оборотничество особого рода. Такого, причем, рода, что похоже на христианское *пресуществление* (*хлеб — тело господне и вино — кровь господня*). Как будто так. Только грубей, материальней. Материальная поправка к пресуществленческой духовности.

Но так ли? А может быть, природа алхимического оборотничества принципиально иная? В каноническом христианстве чудо *пресуществления* материализуется в ритуале *причастия к телу-хлебу, крови-вину*. Но за ритуалом — некогда совершившаяся великая драма реального жития, имевшего начало — середину — конец. Жития, зовущего к подражанию, требующего действительных последователей, включенных в историческое время и лишь потому причастных к вечному (когда-то тоже временному — житию бога человеческой природы или человека божественной природы). *Хлеб и вино* как предметы с самого начала олицетворены. Так в христианском каноне, в христианской эсотерии.

⁵ *Гоголевская Панночка* с перевязанной рукой — черная кошка с перебитой лапой. Всякая черная кошка с перебитой лапой — *гоголевская Панночка* из «*Майской ночи*». Оборотничество варварских мифологий, перевертней. «*Кольцо Нибелунгов*», переодевания фольклорных созданий есть осуществление мифологема метаморфозности вообще.